

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.И. Сагарда

**Святого
Григория Чудотворца,
епископа Неокессарийского,
«К Феопомпу о возможности и
невозможности страданий для Бога»**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 6. С. 833-846.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Святаго Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго, „Къ Θεопомпу о возможности и невозможности страданій для Бога“.

Въ сирійскомъ переводѣ сохранилось довольно значительное по объему произведение, содержаніе котораго въ заглавіи опредѣлено такъ: «Къ Θεопомпу о возможности и невозможности страданій для Бога». Въ 1858 г. *P. de Lagarde* издалъ сирійскій текстъ этого произведенія (*Analecta Syriaca. Lipsiae et Londini*, p. 46—64) по рукописи Британскаго Музея (№ DCCXXIX = addit. 12156: *W. Wright, Catalogue of Syriac Manuscripts in the British Museum. 1871*, p. 639—648). На основаніи этого изданія *V. Ryssel* въ своемъ изслѣдованіи «*Georgius Thaumaturgus. Sein Leben und seine Schriften. Nebst Uebersetzung zweier bisher unbekannter Schriften Gregors aus dem Syrischen. Leipzig 1880*», далъ нѣмецкій переводъ этого произведенія подъ заглавіемъ: «*Die Schrift an Theopompus über die Leidensunfähigkeit und Leidensfähigkeit Gottes*» (S. 71—99). Сирійскій текстъ вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ снова напечатанъ *P. Martin'*омъ у *Joh. Bapt. Pitra*, *Analecta Sacra, IV, Paris. 1883*, p. 103—120. 363—376, подъ заглавіемъ: «*Ad Theopompum de passibili et impassibili in Deo*».

Произведеніе чисто философскаго характера и представляетъ бесѣду автора съ Θεопомпомъ; въ немъ подвергнутъ обсужденію вопросъ о томъ, какъ согласить представленіе о безстрастїи существа Божія съ фактомъ Его снисхожденія до страданій и смерти. Авторъ говоритъ, что нельзя а priori и безъ всякихъ оговорокъ утверждать, что Богъ вообще не можетъ страдать, такъ какъ Богъ абсолютно свободенъ и непод-

чиненъ ни необходимости, ни своей природѣ,—слѣдовательно, онѣ не пренятствуютъ Ему страдать, а страданіе само по себѣ не противорѣчитъ божественному совершенству: страданіе тогда только должно почитаться страданіемъ, когда оно дѣйствуетъ на страдающаго помимо его воли; но Богъ добровольно свисшелъ до страданій, чтобы придти на помощь людямъ, и въ своемъ страданіи не претерпѣлъ страданій, напротивъ, Своими страданіями доказалъ Свое безстрастіе, заставивъ страдать само страданіе и поправъ смерть. Такъ какъ Онъ и въ страданіяхъ остался безстрастнымъ, то въ страданіяхъ для Него нѣтъ безчестія. Однако изъ этого не слѣдуетъ, что страданія его были обмачивы, призрачны: они были дѣйствительными, но Онъ не претерпѣвалъ ихъ въ смыслѣ болѣзненнаго ощущенія. Онъ не испытывалъ ни страха предъ страданіями, ни боли отъ страданій. Не претерпѣлъ Богъ позора и въ смерти, такъ какъ Онъ побѣдилъ ее, и Его жизнь не была бы жизнью, если бы она могла быть уничтожена смертью. Но, далѣе. Богъ не можетъ стремиться къ покою и блаженству только для Себя: Онъ тогда только совершенъ и безстрастенъ, если Онъ печется о людяхъ, такъ что при бездѣятельномъ покоѣ Онъ не можетъ быть названъ совершеннымъ; поэтому бездѣйствіе, при которомъ Богъ не открывалъ бы Себя людямъ и не оказывалъ бы имъ помощи, несвойственно Ему по самому существу. Что Богъ страдаетъ ради людей, это подтверждено тѣмъ фактомъ, что Іисусъ пришелъ, чтобы спасти людей.

На основаніи единственной сирійской рукописи, въ которой дошелъ до насъ текстъ произведенія, авторомъ его признаютъ св. Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго, и хотя это единственное свидѣтельство, такъ какъ о произведеніи больше не найдено нигдѣ и никакихъ извѣстій, однако правильность его не возбуждаетъ основательныхъ сомнѣній. Свидѣтельство это можно назвать древнимъ, такъ какъ манускриптъ относится къ VI вѣку и написанъ до 562 г. (*W. Wright, Catalogue of Syriac Manuscripts in the British Museum, p. 640, col. 1*). Если переписчикъ этого манускрипта не былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и переводчикомъ произведенія, то переводъ произведенія сдѣланъ былъ раньше, а въ такомъ случаѣ и свидѣтельство о принадлежности его св. Григорію Чудотворцу должно быть еще больше придвинуто ко времени жизни неокесарійскаго святителя. Свидѣтельство рукописи не только не стоитъ въ проти-

ворѣчи съ содержаніемъ трактата, но даже подтверждается послѣднимъ: по крайней мѣрѣ, на основаніи его можно сказать, что трактатъ «Къ Теопомпу» произошелъ не позднѣе III в. и отличается такими характерными особенностями, которыя дѣлаютъ возможнымъ составленіе его философски образованнымъ ученикомъ Оригена. Дѣло въ томъ, что постановка вопроса о возможности страданій для Бога существенно отличается отъ той, какую онъ получилъ въ греческомъ богословіи не только въ періодъ несторіанско-монофизитскихъ споровъ, но даже со времени св. Аѳанасія. Въ послѣднихъ исходили изъ факта двухъ природъ въ Богочеловѣческой Личности Христа и рѣшали вопросъ объ отношеніи божественнаго и человѣческаго естества къ страданіямъ. Въ разсматриваемомъ же произведеніи рѣчь идетъ о божественныхъ страданіяхъ вообще, о существѣ Божіемъ, безъ различія Бога Отца и Бога Сына. Тамъ рѣчь идетъ о томъ, какое изъ двухъ естествъ во Христѣ—божеское или человѣческое только—подвергается страданіямъ, при чемъ самый фактъ воспріятія страданій Сыномъ Божіимъ уже предполагается. Здѣсь же ставится вопросъ, возможны ли вообще страданія для Бога, или иначе, природа Бога не возбраняетъ ли Ему принимать на себя страданія; и самыя страданія берутся первоначально въ общемъ, можно сказать, отвлеченномъ представленіи и только во время дальнѣйшей бесѣды принимаютъ болѣе конкретную форму человѣческихъ страданій.

Такая постановка предполагаетъ борьбу не съ христіанскими сомнѣніями и лжеученіями, такъ какъ съ точки зрѣнія христіанъ возможность страданій для Христа была вѣдь сомнѣній, а съ языческими воззрѣніями, по которымъ страданіе Бога не имѣло смысла и противорѣчило представленію о Богѣ. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, кто былъ Теопомпъ, собесѣдникъ св. Григорія, и тотъ Исократъ, взгляды котораго онъ усвоилъ.

Въ концѣ произведенія опровергается эпикурейское воззрѣніе, что Богъ пребываетъ въ бездѣятельномъ покоѣ, и рѣшается вопросъ, имѣетъ ли безстрастіе Бога по существу своимъ необходимымъ слѣдствіемъ моральную апатію въ отношеніи къ судьбѣ человѣческаго рода. Но этотъ же вопросъ разсматривается и въ произведеніи Оригена «Противъ Цельса» (см. особенно IV, 14 сл.), такъ какъ Цельсъ выставилъ взглядъ Эпикура, что Богъ по Своему существу отъ вѣчности пребываетъ въ абсолютномъ покоѣ и не печется о судьбѣ

людей. Значить, этотъ вопросъ около половины III вѣка еще не потерялъ своего значенія и, весьма вѣроятно, Оригенъ обращалъ на него вниманіе своихъ слушателей въ Кесаріи.

Философскій характеръ трактата и классическое образованіе автора могутъ косвенно подтверждать происхожденіе его отъ св. Григорія, который еще въ школѣ Оригена обнаружилъ философскія дарованія и склонности (см. письмо Оригена къ св. Григорію).

Когда написанъ былъ трактатъ, неизвѣстно, но общій духъ его говоритъ за то, что св. Григорій въ то время находился еще подъ живымъ впечатлѣніемъ занятій въ Кесаріи.

Въ основу предлагаемаго ниже перевода произведенія положенъ латинскій переводъ въ изданіи Питры; принятъ во вниманіе и къ руководству также переводъ В. Рисселя, но при разногласіяхъ въ частностяхъ, какихъ довольно много, переводчикъ слѣдовалъ латинскому, такъ какъ латинскій переводчикъ уже считался съ переводомъ В. Рисселя.

1. Однажды, когда я намѣренъ былъ возвратиться въ то мѣсто, гдѣ обыкновенно проводилъ время, нѣкій мужъ, имя котораго было Θεοпомпъ, спросилъ меня, безстрастенъ ли Богъ? Я же немного помедлилъ, и, сжавши губы ¹⁾, отвѣтилъ: «какъ мы можемъ говорить, о Θεοпомпъ, что Богъ подлежить страданію»? И когда онъ пытался съ моимъ отвѣтомъ связать другой вопросъ, я, болѣе и болѣе ускоряя шагъ, поспѣшилъ, чтобы достигнуть того мѣста, гдѣ обычно друзья собирались съ друзьями, и лишь только я сѣлъ подлѣ тѣхъ, которые тамъ были, я протянулъ къ нимъ руку и приготовился спросить у нихъ о томъ, что сказано было мною въ предшествующій день. Но пришелъ Θεοпомпъ и, занявши мѣсто подлѣ меня, началъ говорить такъ: «необразованные и незнакомые съ наукой должны, о Григорій, старательно изучать у ученыхъ и у знающихъ все. А такъ какъ я рѣшилъ снова усердно заняться этимъ предложеннымъ мною вопросомъ, то я прошу тебя дать врачество для этихъ мыслей, которыя взаимно борются между собою и которыя, постоянно пребывая во мнѣ, разстраиваютъ мой умъ. Прошу тебя укрѣпить меня тѣми ясными доказательствами, которыя у тебя по этому вопросу готовы въ изобиліи».

2. Когда послѣ этого прошло нѣкоторое время въ глубокомъ молчаніи, я снова началъ говорить такъ: «великое и

¹⁾ Т. е. въ пренебрежительномъ тонѣ.

превосходное расположеніе оказалъ намъ возлюбленный нашъ Θεопомпъ, желая возобновить тотъ вопросъ, которымъ, какъ я думаю, по необходимости долженъ заниматься каждый [именно]: «возможно-ли страданіе для Бога»? На этотъ вопросъ я далъ скорый отвѣтъ: «какъ возможно, о Θεопомпъ, не исповѣдывать, что Богъ безстрастенъ»? Далѣе, когда присутствующіе начали между собою много пустословить по этому поводу, то и я спросилъ Θεопомпа, въ какомъ смыслѣ онъ понялъ то, что было сказано мною.

Онъ же отвѣтилъ такъ: «если Богъ по природѣ безстрастенъ, то изъ этого слѣдуетъ, что Онъ никогда не можетъ страдать, даже если бы хотѣлъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ Его природа совершала бы то, что противно Его волѣ». На это я далъ такой отвѣтъ: «не богохульствууй, о Θεопомпъ, и не подчиняй Бога силѣ необходимости, противопоставляя волѣ Его природу. Ибо, если Богъ не дѣлаетъ того, что Онъ хочетъ, то отсюда, дѣйствительно, слѣдуетъ, что Его постигаетъ величайшее страданіе, такъ какъ [въ такомъ случаѣ] должно сказать, что воля Божія подчинена природѣ. Этого совершенно не должно быть. Мы полагаемъ, что такъ думаютъ тѣ, которые въ значительной степени восприняли въ себя духа дерзости, и что они подчиняютъ Бога силѣ необходимости. Но мы должны, о Θεопомпъ, представлять такъ, что всемогущая природа Божія никогда не можетъ воспрепятствовать Ему дѣлать то, что Онъ хочетъ, такъ какъ намъ надлежитъ говорить, что Богъ превыше всего и ничему не подчиненъ. Неужели отъ тебя укрылось, о любезнѣйшій, что одинъ только Богъ свободенъ, надъ всѣмъ возвышенъ, все можетъ и не подчиненъ никакой необходимости? Посему нечестиво отнимать свободу у всемогущаго Бога.

3. Отвѣчая на это, Θεопомпъ присовокупилъ: «пусть будетъ такъ, какъ ты сказалъ, именно, что Богъ свободенъ. Ибо мы не дерзаемъ отнимать у Бога свободу; но этотъ отвѣтъ не разрѣшаетъ моего вопроса, славный учитель Григорій. Ибо я спросилъ тебя: безстрастенъ ли Богъ? Ты въ своемъ отвѣтѣ призналъ, что Богъ безстрастенъ. Тогда, возражая, я снова спросилъ тебя: безстрастное по своей природѣ не заключаетъ ли въ себѣ препятствія къ тому, чтобы претерпѣвать челоуѣческія страданія, поелику природа его блаженна и нетлѣнна. Итакъ, я спрашиваю: не заключаетъ ли Богъ въ самомъ Себѣ препятствія къ тому, чтобы претерпѣвать страданія, такъ какъ

Онъ всегда тотъ же, если примемъ во вниманіе безстрастіе Его природы? Слѣдовательно, я хотѣлъ бы присущимъ тебѣ благочестіемъ быть приведеннымъ къ ясному пониманію этого предмета и у любви твоей ревностно поучиться — ибо я нахожусь въ сомнѣніи, — можетъ ли безстрастный Богъ претерпѣвать что-либо несогласное съ Его природою, поелику, какъ мы сказали, Онъ безстрастенъ? Даже болѣе того: мою мысль поразило то, что нѣкоторые говорятъ не совсѣмъ безразсудно, именно, что будто бы, такъ какъ природа Бога противодѣйствуетъ Его волѣ, то и самый вопросъ бесполезенъ. Ибо если безстрастіе Божіе не допускаетъ человѣческихъ страданій, то почему я не могъ бы смѣло отвѣтить тебѣ, сказавъ, что природа Бога противится Его волѣ? Отсюда, какъ я прежде сказалъ, безстрастная природа Божія могущественнѣе Его воли, хотя бы послѣдняя была Богъ».

4. Далѣе, такъ какъ многіе изъ тѣхъ, которые пришли, ожидали, что я отвѣчу на такъ поставленный мнѣ вопросъ, то я тотчасъ охотно далъ ему слѣдующій отвѣтъ: «возлюбленный Теопомпъ, справедливость требуетъ, чтобы мы говорили и понимали, что человѣкъ, природа котораго состоитъ изъ души и тѣла, не можетъ дѣлать чего-либо такого, что было бы противно его волѣ, такъ какъ организація его природы и строеніе его тѣла связаны закономъ Творца. Вслѣдствіе этого принужденія необходимости, которая сильнѣе человѣка, человѣческая воля не можетъ свободно совершать всего того, къ чему она стремится, поелику какъ природа, такъ и воля, — каждая влечетъ человѣка въ свою сторону. Поэтому человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже своего Творца. Ибо все, что подлежитъ рожденію и тлѣнію [въ этомъ самомъ] имѣетъ препятствіе къ тому, чтобы все мочь. Посему намъ слѣдуетъ знать, что природа Божія неизреченна и неизяснима, не имѣетъ подобія ни съ чѣмъ, не подчинена никакому закону, никакой необходимости, никакой привычкѣ, косности, страху, возрастанію, болѣзни, но все можетъ совершать силою, которая все преобъѣждаетъ и никѣмъ не преодолевается. Но никогда, о Теопомпъ, не слѣдуетъ такъ представлять Бога, какъ будто бы Онъ вошелъ въ противорѣчіе съ Своей волей, потому именно что Онъ подтвергъ Себя самому страданію, хотя по природѣ Своей безстрастенъ. Ибо волю Божества мы не отдѣляемъ отъ той блаженнѣйшей сущности, которая неизмѣнна, оставаясь одною и тою же, въ единомъ образѣ, единомъ бытіи, въ единой не-

измѣняемой волѣ, которая научается отъ себя самой, сама себѣ повелѣваетъ и сама отъ себя самой и въ себѣ самой и чрезъ самое себя все можетъ дѣлать. И дѣйствительно, Его безстрастная природа ни въ чемъ не препятствуетъ Его волѣ совершать то, что хочетъ, такъ какъ во всякое время она одна та же. Ибо я сказалъ, что Онъ одинъ есть и что тотъ именно въ собственномъ смыслѣ Богъ, кому никакая сила не можетъ воспрепятствовать дѣлать то, что хочетъ, такъ какъ Его сущность не состоитъ изъ разныхъ взаимно себѣ противорѣчащихъ субстанцій. Мы говоримъ, что природа и субстанція человѣка состоятъ изъ различныхъ природъ, именно, изъ души и тѣла. Далѣе, такъ какъ воля одной не согласна съ волей другой, то отсюда слѣдуетъ, что людьми не осуществляется всегда то, что они хотѣли бы совершить, потому что природа одной части, противодѣйствуя природѣ другой, препятствуетъ послѣдней дѣлать то, что она хочетъ. Тотъ же, Кто одинъ только неограниченъ, благъ и славенъ, Кто Своею благостію все опредѣляетъ, Кому подчинено все, что есть и было, Кто превосходить все, у Кого негнѣнный разумъ, Кто чуждъ и выше всякаго зла, какъ я сказалъ раньше: Онъ одинъ только простъ и несложенъ, не смѣшанъ со зломъ вслѣдствіе единства Своей сущности, единая благая воля, недѣлимая, никогда не поругаемая, не волнуемая, не ослабляемая, не изслѣдимая, никогда не побѣждаемая или подавляемая; Онъ выше всякихъ страданій; Онъ самъ Себя опредѣляетъ во всемъ, что намѣревается дѣлать, такъ какъ Его природа не допускаетъ никакого препятствія, поелику Онъ всякаго возмущенія и съ нимъ ничто не составляетъ или возстаетъ противъ Него; Онъ свободенъ и Своею волею господствуетъ надъ всѣмъ, и силою Своею, превосходящею все. Онъ можетъ все совершать. Не думай, о другъ, что Тому, Кто всѣмъ обладаетъ, Кого никто не можетъ подвергнуть страданіямъ и Кому никто не можетъ противостоять,—можно воспрепятствовать совершить то, что Онъ хочетъ.

V. Въ отвѣтъ на это Θεопомпъ сказалъ мнѣ: «и я также, учитель Григорій, хорошо знаю, что Богъ обладаетъ могущественнѣйшей волей, совершенной свободой и господствомъ надъ всѣмъ, и что никто не долженъ спорить о томъ, что ты утверждаешь. Но то, относительно чего я остаюсь въ недоумѣніи, состоитъ въ слѣдующемъ, именно: не заключаетъ ли природа Божества въ самой себѣ препятствія къ тому, чтобы страдать;

и субстанція, которая безстрастна, не возбраняетъ ли своей волѣ претерпѣвать страданія, что, конечно, было бы чуждо ей самой и для нея неприлично? Это такъ (очевидно) изъ ясныхъ доказательствъ, которыя тобою больше, чѣмъ достаточно, приведены. А если бы кто выступилъ противъ этихъ объясненій, на того должно было бы смотрѣть не только какъ на невѣжественнаго, но и какъ безразсуднаго, нечестиваго и въ высшей степени дурного. Ибо надлежитъ предоставить Богу господство и власть надъ всѣмъ; а такъ какъ я предпочитаю избрать благое и отвернуть злое, то, поелику безстрастная природа Бога всегда одна и та же, я рѣшилъ изслѣдовать и узнать, имѣлъ ли Богъ когда-нибудь намѣреніе претерпѣвать человѣческія страданія».

VI. На это я отвѣтилъ: «хочешь ли ты, о Теопомпъ, дѣйствительно и искренно отступить отъ воззрѣній Исократы и совершенно оставить ихъ, чтобы обратиться къ здоровымъ мнѣніямъ истины, которыя я изложилъ тебѣ въ ясныхъ доказательствахъ? Слушай, поэтому, внимательно слушай, о Теопомпъ, и старательно вникни своею мыслию, надлежащимъ образомъ слагая въ своемъ сердцѣ то, что я скажу тебѣ. Страданіе тогда дѣйствительно было бы страданіемъ, если бы Богъ имѣлъ намѣреніе [сдѣлать] что-нибудь бесполезное и для Него непристойное. Но когда божественная воля подвиглась для уврачеванія дурныхъ помысленій людей, тогда мы не можемъ сказать, что Богъ страдаетъ отъ того, что Своимъ униженіемъ и высочайшимъ благоволеніемъ послужилъ людямъ. Посему, такъ какъ сердце людей отвратилось отъ истинной религіи и, на подобіе животныхъ, оказало матеріи больше чести, чѣмъ Богу, и, что было непосредственнымъ слѣдствіемъ этого, жадно устремилось на гнусныя удовольствія,—то Богъ восхотѣлъ отвлечь людей отъ этого. Но въ Богѣ не почитаются страданіями тѣ страданія, которыя, по собственному хотѣнію, Онъ претерпѣлъ для общаго блага человѣческаго рода, когда Его блаженнѣйшая и безстрастная природа вовсе не противоdѣйствовала [этому]. Ибо Онъ въ своемъ страданіи показываетъ безстрастіе. Вѣдь если кто страдаетъ, тотъ страдаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда страданіе насильственно оказываетъ свое дѣйствіе на того, кто страдаетъ, помимо его воли. Но о томъ, кто, при безстрастіи своей природы, добровольно становится причастнымъ страданіямъ, чтобы совершенно побѣдить ихъ, мы не говоримъ, что онъ подвергается страданіямъ, хотя бы своей волей онъ участвовалъ въ страданіяхъ. Ибо

посмотри, какъ врачи, когда хотять излѣчить тѣхъ, которые мучатся ужасными болѣзнями, съ радостью переносятъ трудъ, чтобы помочь больнымъ, предвкушая радость отъ надежды на будущее выздоровленіе. Слава и извѣстность, которыя врачъ приобретаетъ лѣченіемъ страждущихъ, смягчаютъ отвращеніе и устраняютъ тягость труда. Врачъ на время забываетъ о своемъ достоинствѣ и смиряетъ свою волю, почему, принимая видъ раба, дѣлается невольникомъ больныхъ и свое достоинство низводитъ до подобія рабства. Однако этого униженія мы не называемъ униженіемъ для врача, ради выздоровленія, которое проистекаетъ отсюда, и мы не думаемъ, что онъ лишился достоинства, когда видимъ, что онъ добровольно исполняетъ обязанности слуги. Ибо, совершивши то, что медицинское искусство призывало его исполнить, онъ тогда радостно снова принимаетъ прежнее достоинство, и здоровье больныхъ, котораго онъ желалъ, доставляетъ ему больше радости, чѣмъ почетъ, которымъ онъ раньше пользовался. Впрочемъ, онъ ничего не потерялъ за то время, когда, преклонивши голову, исполнилъ обязанности слуги и оказалъ милость лѣченіемъ больныхъ тѣмъ. Ибо онъ зналъ, что ему нужно на извѣстное время принять на себя нѣкоторое униженіе, чтобы снова дать здоровье больнымъ, вслѣдствіе чего онъ получить славу, гораздо большую, чѣмъ униженіе. Итакъ, почему мы не могли бы сказать о Томъ, Кто одинъ только благъ и Кто выше суетной славы, чуждъ униженія, безстрастенъ въ страданіяхъ и прее выше всего,—что Онъ въ своемъ безстрастіи поднялъ свой скипетръ надъ страданіями, такъ какъ своимъ страданіемъ заставилъ ихъ страдать. Ибо перенесеніе [Имъ] страданій было безстрастнымъ, такъ какъ своимъ страданіемъ Онъ причинилъ имъ страданіе и въ своемъ страданіи показалъ свое безстрастіе. Ибо что страданія производятъ по отношенію къ подверженнымъ страданіямъ, то же самъ Безстрастный производитъ своимъ страданіемъ по отношенію къ страданіямъ, вслѣдствіе чего, при Своемъ безстрастіи, явился страданіемъ страданій. Итакъ, когда мы утверждаемъ, что страданія побѣждены въ ихъ дѣятельности, вслѣдствіе того, что Безстрастный былъ причастенъ имъ,—то какъ иначе мы можемъ назвать это, если не такъ, что Онъ былъ страданіемъ страданій? Ибо, если алмазъ, когда по немъ ударили желѣзомъ, не страдаетъ отъ удара, а, напротивъ, остается невосприимчивымъ къ страданіямъ, какимъ и былъ, такъ что пораженія отъ удара возвращаетъ на

ударяющаго, вслѣдствіе того, что адамантъ по своей природѣ является нечувствительнымъ къ страданіямъ и не подвергается страданію, то почему мы не можемъ сказать, что Безстрастный былъ страданіемъ для страданій? Ибо какъ не изобразить страданіемъ страданій Того, Кто не терпитъ вреда и страхомъ не устрашается, хотя бы Онъ добровольно и вошелъ съ ними въ общеніе? Или какъ не безстрастенъ Тотъ, Кто, при своемъ страданіи, не потерпѣлъ вреда отъ страданій? Какъ не безсмертенъ Тотъ, Кто, проходя чрезъ смерть, не былъ устрашенъ смертію? Пришествіе Бога на смерть явилось смертію для смерти, такъ какъ Онъ не былъ удержанъ ею; подобнымъ же образомъ безстрастіе Бога было страданіемъ страданій, когда Онъ снизошелъ до страданій. Ибо если предметы міра сего, когда смѣшиваются съ противоположными имъ предметами, поистинѣ обнаруживаютъ свою силу и невоспримчивую къ страданіямъ природу, то насколько болѣе мы должны разумѣть, что страданіе Бога было страданіемъ для страданій. Ибо какъ желѣзо, ударяя адамантъ, принимаетъ на себя ударъ и само получаетъ поврежденіе отъ удара, вслѣдствіе твердости адаманта, такъ и о Богѣ, Который силенъ по своей волѣ и безстрастенъ по своему существу, когда Онъ принялъ на Себя страданія, какъ не сказать, что Онъ пребылъ въ своемъ безстрастіи даже въ то время, когда подвергался пыткѣ желѣзомъ и огнемъ, поелику природа Божества сильнѣе всего, даже когда она въ страданіяхъ? Ибо истиннымъ доказательствомъ божественнаго безстрастія и безсмертія должно признать то, что, находясь подъ дѣйствіемъ страданій, Онъ Самъ явился причиною страданій, поелику этимъ доказательствомъ обнаруживается, какова была причина того, что совершилось. Ибо мы не знали бы, что Безстрастный [дѣйствительно] безстрастенъ, если бы Онъ не вошелъ въ общеніе съ страданіями и не устоялъ противъ силы страданій. Ибо подъ видомъ страданій Безстрастный проникъ въ страданія, чтобы своимъ страданіемъ показать, что Онъ—страданіе для страданій. Натиска безстрастія не могли выдержать страданія, и мы не должны удивляться, о ученый Теопомпъ, что безстрастіе Божества явилось поруганіемъ для страданій, когда мы видимъ, что глаза, напряженно устремленные на солнце, чтобы изслѣдовать лучи, претерпѣваютъ страданіе отъ лучей.

VII. Чтò мы стремимся показать этимъ, такъ именно то, что тотъ Богъ, который настолько выше тлѣнія и страданія, смерти и какого бы то ни было поврежденія, что всѣ

должны признать Его недоступнымъ страданіямъ, поистинѣ былъ уничтожителемъ страданія, такъ какъ страданія не въ состояніи были противостоять Ему. Онъ дѣйствительно безстрастенъ и въ собственномъ смыслѣ посрамилъ смерть, такъ какъ Своею смертію Онъ утвердилъ Свое безсмертіе и Своимъ страданіемъ показалъ свое безстрастіе. Когда атлетамъ, одерживающимъ побѣду въ состязаніи, даруется вѣнецъ, и когда тѣмъ, которые признаны достойными триумфа, предоставляются награды за побѣду, то послѣднія можно давать только тѣмъ атлетамъ, которые, будучи испытанными въ состязаніи и борьбѣ, заслужили вѣнецъ побѣды. Совершенно подобнымъ образомъ надлежитъ говорить и о безстрастіи. Безстрастіе не стоитъ выше страданій, если оно прежде не показало своей силы. Итакъ, страданіе въ Богѣ не является, какъ нѣкоторые желаютъ, униженіемъ или слабостью, такъ какъ возвышенная природа Божія показала свою неизмѣняемость, когда подвергалась испытанію въ страданіяхъ. Ибо о Томъ, Кто былъ во вратахъ смерти, и Кто, будучи бессмертнымъ, какъ Богъ, своимъ безстрастіемъ побѣдилъ смерть, должно провозвѣщать, что Онъ—Богъ, такъ какъ Онъ не подлежитъ никакой власти, не удерживается никакою силою, не склоняется предъ тлѣніемъ, не волнуется скорбію, не объемлется смертію. Онъ есть Богъ, надъ всѣмъ владычествующій; это—истинное господство, это—власть, никому не подчиненная, такъ какъ, поправъ смерть, Онъ ничего не потерялъ отъ смерти.

VIII. Тѣ же, которые хотятъ хулить эту надъ всѣмъ возвышенную мудрость и эту въ своемъ величій сокрытую отъ всѣхъ волю; которые отвергаютъ превосходство могущества того Бога, смертію Котораго безстрастіе распространено на всѣхъ; которые осмѣиваютъ пришествіе Бога на смерть и не разумѣютъ, что превосходящее сіяніе Его пришествія должно воспринимать окомъ своего ума, и объявляютъ вздорной басней непостижимое и недомыслимое пришествіе Бога на смерть, безъ истлѣнія,—эти пусть, если имъ угодно, пребываютъ въ своемъ ложномъ познаніи, какъ во мракѣ, будучи предопределенными для смерти и тлѣнія. Ибо (мы не понимаемъ), какъ можно бы назвать злодѣемъ царя или князя, который вошелъ въ темницу, чтобы произнести приговоръ относительно злодѣевъ, содержащихся тамъ, по дѣламъ ихъ, и вслѣдствіе этого перенесъ дурной запахъ и брань, если, конечно, онъ добровольно пришелъ къ дурнымъ людямъ, которые заключены въ темницѣ?

Необходимо, чтобы такъ мы думали и о Богѣ. Ибо на Него, вслѣдствіе Его безстрастія, смерть не можетъ нападать, и поелику Онъ безсмертенъ, то безъ страха можетъ попрасть смерть, силою же Божества Онъ остался чуждымъ страданій и побѣдилъ силы смерти, по человѣческому выраженію истинно сдѣлался причастникомъ смерти. Итакъ, когда мы слышимъ, что Богъ пострадалъ, мы должны разумѣть это относительно пришествія Его на смерть, поелику Онъ нисколько не воспринялъ въ Себя страданій смерти,—безстрастною и безсмертною своею силою Онъ явился на смерть и отъ смерти уходитъ какъ Богъ, Который все можетъ. Пришествіе Бога на смерть ясно показало Его божественную силу и безстрастіе Его по существу, такъ какъ Онъ не былъ удержанъ смертію. Ибо кто изъ смертныхъ могъ когда-либо презрѣть смерть? Или кто изъ людей когда-либо избѣжалъ силы владычества смерти? Но если это невозможно, какъ это и на самомъ дѣлѣ есть, то необходимо, чтобы мы предоставили власть надъ смертію единому только Богу. Итакъ, Богъ входитъ во врата смерти и смерти не претерпѣваетъ. Тѣ же, которые за преступленіе заповѣди, осуждены на смертію,—они во вѣкъ пребудутъ въ смерти. Итакъ, на какое основаніе опираются тѣ, которые смѣются надъ мудрымъ пришествіемъ Бога на смерть, какъ надъ недостойною Бога вещью и крайнимъ униженіемъ, и тѣхъ, которые такъ проповѣдуютъ, считаютъ дѣтьми и безразсудными?

IX. Въ виду безстрастія Бога, Который чрезъ смерть и уничтоженіе явился побѣдителемъ, не воображай, о, возлюбленный мой Θεопомпъ, будто невозможно было, чтобы Богъ пришелъ на смерть и претерпѣвалъ то, что относится къ смерти, безъ обмана. Ибо если древніе мудрецы могли рассказывать о нѣкоемъ животномъ, что оно, хотя и слабое по своимъ силамъ, однако, препобѣждало силу огня, такъ какъ брошенное въ огонь, который все сжигаетъ, имъ охваченное и въ немъ движущееся, не терпитъ отъ огня никакого вреда, такъ что мы можемъ сказать, что оно выше огня, который все сжигаетъ, потому что оно отражаетъ силу огня, и, вслѣдствіе большого количества холода, которымъ обладаетъ, охлаждаетъ жаръ пламени, ничего не претерпѣвая отъ дѣйствія огня, который все повреждаетъ; если, говорю, саламандра, смертное животное, подверженное тлѣнію, вслѣдствіе большого количества холода, который содержитъ въ себѣ, дѣлаетъ недѣйствительнымъ жаръ

пламени, — то какъ не сказать, что Богъ, Который выше смерти и тлѣнія, въ Своемъ пришествіи на смерть обладалъ неплѣніемъ? Итакъ, если животное, подверженное тлѣнію, будучи брошено въ огонь, переноситъ огонь; если вещи, взаимно противоположныя, по силѣ, присущей ихъ природѣ, могутъ противостоятъ разрушенію, когда соединяются съ иными вредными для нихъ вещами, — то какъ мы можемъ удивляться, что существо, высшее матеріи и во всѣхъ отношеніяхъ безстрастное, своимъ причастіемъ смерти показало безстрастіе своей природы и вмѣстѣ съ тѣмъ своею смертію посмѣялось надъ страданіями и смертію. Въ этомъ состоитъ неизмѣняемость и безстрастіе Божіе. Ибо какой вредъ претерпѣло то блаженнѣйшее существо, пришествіемъ въ этотъ злой міръ и воспріятіемъ, для (спасенія) душъ, подобія смертныхъ людей, не лишаясь ничего изъ своей божественной силы, но оставаясь такимъ же, какимъ было? Какимъ образомъ блаженнѣйшее существо могло бы не оставаться всегда тѣмъ же, когда его сущность не можетъ потерпѣть никакого вреда и его воля — противорѣчія или насилія? Но Кто тѣмъ, что мы перечислили, никогда не умалется, Тотъ какъ не можетъ быть названъ безстрастнымъ, особенно, если, всегда оставаясь тѣмъ же и своею волею самъ собою управляя, Онъ щедро раздаетъ свои дары? На малое время онъ принялъ образъ человѣка, такъ какъ, по своему мудрѣйшему плану, Онъ совершилъ то, что хотѣлъ, и своею всемогущею волею осуществилъ то, что имѣлъ намѣреніе совершить, всегда сохраняя свое божественное могущество, оставаясь тѣмъ, чѣмъ былъ, ничего не терпя въ страданіяхъ, такъ какъ Его безстрастная природа и въ Его страданіяхъ пребыла такою же, какою была. Посему, если бы, съ соизволенія блаженнѣйшаго существа, отдѣлилась субстанція Имъ (воспринятая), то [черезъ это] не умалится Его собственная субстанція, такъ какъ Его божественная природа показала, что она неизмѣняема, поелику удары, разсѣченія, болѣзни и скорбь никогда не могутъ причинить вреда Богу. Ибо, что побѣждается страданіемъ и измѣняется отъ тлѣнія, объ этомъ должно сказать, что оно страдаетъ; а что совершается превосходящею божественною мудростію и дивнымъ домостроительствомъ божественнаго провидѣнія, на то не должно смотрѣть, какъ на страданія Бога, потому что, вслѣдствіе безстрастія Бога, въ этомъ не обрѣтается ничего, что производило бы страданіе. Сколько бы мечъ ни разсѣкалъ пламени огня,

онъ своимъ ударомъ не произведетъ раздѣленія, хотя тѣло проходить чрезъ тѣло. Итакъ, если непостижимо разсѣченіе нѣкоторыхъ тѣлъ, подверженныхъ тлѣнію, потому что огонь всегда остается одною и тою же субстанціей и никогда не терпитъ раздѣленія, такъ какъ за ударомъ желѣза непосредственно слѣдуетъ соединеніе,—ибо тонкость огня не позволяетъ раздѣленію оставаться въ немъ, даже когда разсѣкается желѣзомъ, такъ какъ желѣзо со всѣхъ сторонъ опоясывается силою [огня], и съ какой бы стороны послѣдній ни пронзался желѣзомъ, пламя крѣпко держится самого себя и никогда не раздѣляется; если, далѣе, раздѣленіе осязаемаго тѣла, именно огня, неизслѣдимо и непостижимо,—насколько болѣе должно сказать о существѣ блаженнѣйшемъ, чуждомъ тлѣнію, превосходящемъ могущія страдать тѣла, существа и природы, которое превышаетъ всякаго представленія, что оно и въ своихъ страданіяхъ всегда пребываетъ однимъ и тѣмъ же. особенно когда его безстрастная природа, при смѣшеніи со страданіями, ни въ какомъ отношеніи не поражается ими. Оставаясь непостижимымъ и непобѣжденнымъ, оно (блаженнѣйшее существо) своимъ безстрастіемъ посмѣялось надъ страданіями. такъ что, подвергая себя испытанію желѣзомъ, оно всячески показываетъ тогда свою силу, пребывая незатронутымъ имъ. Чистота Божества, предвѣдѣніе, неосязаемая тонкость не только не раздѣляются тѣлами, которыя приближаются къ нимъ, чтобы раздѣлить ихъ, такъ какъ они выше и превосходиѣе какихъ бы то ни было тѣлъ; но мы утверждаемъ, что [напротивъ] раздѣляются тѣла, которыя хотятъ поразить и раздѣлить Божество, которое не раздѣляется, и тонкость природы и чистоту Его сущности. Но оно (Божество) само проходитъ чрезъ всѣ тѣла и въ нихъ производитъ раздѣленіе, такъ какъ для Бога легко раздѣлить всѣ тѣла *).

Н. Сагарда.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки